

Григорий
Карянов

ТРИНИТИ

ПЕРО СИЛЬНЕЕ
МЕЧА

Григорий Карянов

Тринити

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17688002

ISBN 9785447455828

Аннотация

Второй сборник молодого поэта Григория Карянова «Тринити» отражает противоречивость классической и современной поэзии. В книге автора представлены три линии его переломного творчества: «Поэтическое» – продолжение творчества автора времен «Золотых колосьев»; «Поэтическая афера» – стихотворения из одноименного романа автора; и неоднозначный цикл стихов, после которого Вы увидите автора другими глазами, – «Пост-Поэтическое».

Содержание

I. Поэтическое	6
Падают, падают желтыми красками	6
От стертого дня останется, тяжесть свинцовых небес	8
Голос твердит: «Времени нет»	10
Я полон до небес – гнетущей тишиной	12
Смотрели, до отпечатка в памяти, друг на друга	13
Рейте флаги, трубите громом	15
Плечами продрогшими, белыми, белыми	17
Из чашки капал чай на потолок, за окном наступало утро	18
И шаг за шагом – на дуэль, иду по выпавшему снегу	21
Потеряно прошлое, обыщу весь чердак	23
Вот бы, после осени снова лето, или хотя бы весна	25
Когда никого не было в доме	26
На улице моей	27
О прошлом говорить – разрешено	28
Я в поэтах, по мимо прочего – ценю молодость	29
Из сотен книг, что в ряд стоят	30

«Что может быть грустней»
Конец ознакомительного фрагмента.

31

33

Тринити

Григорий Карянов

© Григорий Карянов, 2016

© Григорий Карянов, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I. Поэтическое

Падают, падают желтыми красками

Падают, падают желтыми красками, листья с деревьев
в лужи,
Им раствориться бы, окрасив собою воду, но на воде
лишь круги,
Пестрым холстом покрыты проспекты, и город сильно
простужен,
Город промок под осенним дождем, и между домов
сквозняки.

Все пропитано запахом осени, неизменен аромат ее –
грусть,
И вдыхая воздух, после летнего зноя, я наполняюсь этой
тоской,
Иду медленно, смотря под ноги, здесь дороги известны
мне все наизусть,
Я наверное старомоден, раз чувствую себя молодым
проходя по Тверской.

Здесь история в любом переулке, в каждом доме ее
светлый лик,
По углам затаившись память, прищуренным взглядом,

смотрит мне в след,
И чувствуя теплое дыхание времени, словно жизнь
повидавший старик,
Я маслом напишу этот город, выйдет прекрасный,
осенний портрет.

От стертого дня останется, тяжесть свинцовых небес

А он выгибая спину кутается в шерсть, что вероятно
к дождю,
Который пройдет в ночь на пятницу, оставив на утро
след,
Если я проснусь часов в шесть, отворяя дверь сентябрю.

Все ниже проносятся тяжелые тучи, почти касаясь наших
голов,
И улыбаясь завидев меня, смотрит в окно: «Гляди, небо
такое страшное,
Я останусь сегодня, здесь мне лучше, рисовать картины
из облаков»
И снова молчание превыше всех слов, а в памяти силуэты
вчерашние.

Он не ушел и на следующий день, даже когда завыл
сильный ветер,
Что беспощадно трепал мои мысли, и гнул их ветви
срывая листву,
Подмигнув мне снова, подошел словно тень: «Сегодня
уже воскресенье,
Я отдам тебе целую, из девяти жизней, если позволишь
остаться коту».

Голос твердит: «Времени нет»

Голос твердит: «Времени нет», только сознание вертится,
И все туда же, на кухню, по коридору пройдет,
Растворяет в туманном стакане таблетки, и лечится,
В чуть теплую воду кладет кусочками лед.

Не снимая шляпы, пальто, не вытерев ноги в прихожей,
Голос не запирает открывших собой же дверей,
Из них дует и стонет, и ноет, и я чувствую кожей,
Это безумие, и к стенам прислоняюсь всем телом
сильней.

Уступает стул, предлагает присесть, не терпит отказов,
Шепчет что-то под нос и как кошка щурит глаза,
Он похож на проходимца, из любимых мною рассказов,
Мошенника из переулка, каталу и просто лжеца.

Поглядывает на часы, говорит, что спешит и скоро
рассвет,
В руках держит опустевший, с осадком на дне, стакан,
И на столе перед ним лежит горсть потемневших монет,
А я как хозяин не очень с ним вежлив, и кажется пьян.

Открываю глаза и мне слышится голос, что звонким
эхом,
Монотонно пророчит, те слова, что мы слышим все,

«Времени нет» – пусть скажут и наслаждаются смехом,
От того и смеемся, что не чувствуем боли совсем...

Я полон до небес – гнетущей тишиной

Я полон до небес – гнетущей тишиной,
И взглядами толпы, и рокотом,
И мыслями, что держат за спиной,
Вновь опускаюсь вниз, с зашитым ртом.

Посткарнавального синдрома – резонанс,
На белом и худом лице, мое второе я,
И лицемерия застывший реверанс,
И птицами с ветвей слетают с губ слова.

Вздохну и опускаю руки,
Как палец на курок кладу,
И люди замолчат и стихнут звуки,
И смолкнет песнь, которую пою...

Смотрели, до отпечатка в памяти, друг на друга

Смотрели, до отпечатка в памяти друг на друга,
И не проронив ни слова – оставляли раны,
Зарубки на дереве стали теперь по кругу,
И дом тот давно заброшен, где были рады.

Юности годы устроят забег, как борзые,
И язык развивается по ветру, от этого бега,
Я в шаге от Африки, в полу-шаге от снежной Сибири,
В зрачке твоём вижу чужого, для меня человека.

Выдумщик он, скоро тридцать, а мысли в полете,
Недосягаемой высоты его планы, его это сердит,
В наглухо запертой, одиночно-пустой, палате,
Он пьёт что-то с запахом грусти, и снова бредит.

Рукой проводя по коре, постаревших деревьев,
С рубцами от ножевых, и словесных, порезов,
Дышит на них своим холодом, северный ветер,
Задавая очередной вопрос, не просящий ответов.

Тишиной стало слишком себя изводить, лучше криком,
Грохочущем маршем, гимном, революции знаками,
Прокатится по стране молодой, с обезумевшим видом,

Пробегут по строке наши взгляды, борзыми собаками.

Рейте флаги, трубите громом

Рейте флаги, трубите громом,
От стихов, что трогают душу,
Нет картин нарисованных лучше,
Чем те, что написаны словом.

Выводи чернилами строки,
Что бы каждый пришедший слушал,
Твой голос охрипший от стужи,
Что потерян был по дороге.

Каждый раз умирать и рождаться,
Стать актером внутри и снаружи,
Высказать все, и все разрушить,
Что бы создать и не повторяться.

Флаг подними, удар барабанов,
Слышен на улице «Новых поэтов»,
Ты среди тех, кто чувствовал это?
Так встань же у изголовья парада.

Бодрым шагом, ступаем, строим,
Наше оружие перо да бумага,
Сильнее чем за поясом шпага,
Ими культуру мы смело строим.

Рейте флаги, трубите громом,
От стихов, что трогают душу,
Нет картин нарисованных лучше,
Чем те, что написаны словом.

Плечами продрогшими, белыми, белыми

Плечами продрогшими, белыми, белыми,
Погоду чувствую, стало быть осень,
Распахнутой форточкой, тянет прелыми,
Листьями красными, да хвойный дух сосен.

Листы на столе, цветом желтого, желтого,
Солнца закатного, стало быть испишу,
В строке многоточия, с примесью олова,
На стекло, что покрыл иней, снова дышу.

И лучиком теплым, светлым, светлым,
На колени запрыгнет, молодой кот,
Урчи же, мурлыка, с окрасом трехцветным,
Двадцать пятая осень, прошел еще год...

Из чашки капал чай на потолок, за окном наступало утро

Из чашки капал чай на потолок, за окном наступало утро,
Трамваи звеня бежали потоком, ехали все кому было
не лень,
В них ехали бок о бок, счастливые и несчастные люди,
Вот так начинался, звоном, и каплями на потолке, новый
день,

Вчитываюсь в газету, постаревшую на целое утро,
Солнце уставшее, только вставшее, слепит мои глаза,
А кому-то необходимо, ведь кому-нибудь просто нужно,
Что бы солнце с утра восходило, и вечером уходило
назад.

Нагнетают транспаранты и лозунги, в руках огрубевших –
флаги,
На них белым по красному сказано: «Вернем стране
светлое прошлое»,
Хотят стать как раньше серьезными, не жалея при этом
бумаги,
Не жалеют и масляных красок, и улыбок для обычных
прохожих.

Отвлекся на эту картину, а между тем в руках стынет

газета,

С каждой минутой становясь все непригоднее и глупее,
читаю:

Замерзли провода трамвайные, встало движение
транспорта (прилагается смета),

Работники разводят руками, но это провода не согреет,
стоят обсуждают.

У нас в подъезде каждый день замерзают окна, ничего
не поделаешь,

Только с утра до вечера разговоры ведутся, мол: «окна
заледенели»,

Для себя уяснил – все к обсуждению склонны, если даже
не веруешь,

А уж коль веруешь, так подавно чешут, а какие
преследуют цели?

Вот починили, тронулись, и кажется будто всем миром
на станциях,

Стали приветствовать трамваи, кто флагами, кто
корзинами, кто матюгами,

Повалили в трамвай все подряд, кто не поместился
устроили танцы,

Так согревается наш народ, топчась на месте, да
размахивая руками.

До чего ж интересная эта картина, день необычайно
серьезный – митинг!

Пригласили б, кого из артистов, или мастера слова,

допустим поэта,

Что б растопил окаменевшие души, тогда бы и стихли
похабные крики,

Так о чем это я? Уже день, а у меня в руках старая,
утренняя газета...

И шаг за шагом – на дуэль, иду по выпавшему снегу

И шаг за шагом – на дуэль, иду по выпавшему снегу,
Морозы можно будет пережить, свинцовые осадки,
все же, тяжелей,
Мне стиснуть зубы и терпеть, нырять в нее с разбегу,
В прекрасную и радостную жизнь, что лето помнит
золотом полей.

А между тем, все ближе Рождество, в сочельник
раздаются песни,
Мне в этот день бродячих жаль собак, кто бросит кость,
а кто и взгляд смиренный,
Смеркаться рано стало, все одно, зажгут фонарщики
столбы, огни печальной вести,
На улицах спустили флаг, как будто выстрел прозвучал...
смертельный.

Меня наверное убьют, пусть прожил я не мало,
Я не дрожу от этих мыслей, кутаюсь в шинель,
Над проезжающими праздными смеюсь, и взглядом
провожая их устало,
Мечтаю о несбыточной весне, кому нужна она теперь?!

Там, в пьяном зале, где толпа, меня задел наверно случай,

Раскрашенные дамы замолчат, их замолчат мужья,
– Дуэль! – вдруг произнес, а думаю – «Судьба», Пой
песню соловей, и душу мучай,
От песен у людей сердца стучат, так пой же, истинный
судья...

Потеряно прошлое, обыщу весь чердак

Потеряно прошлое, обыщу весь чердак,
Перевёрнут подвал, папиросы и фото,
Здесь на стуле рассматривать, словно было вчера,
А на снимках курили и пили твердую водку.

Адресов больше нет, путь трамвайный разобран,
Как доехать теперь? Есть ли повод еще?
В голове голоса, кто убит, а кто сослан,
В курс истории это войдет, не войдет мягкость щек..

Идейные братья, их жены, подруги,
Переживут, всего лишь, на несколько лет,
Новый год с Рождеством, но другие салюты,
Разрывались над городом, сколотив еще крест.

Белой стаей на выцветшем, и постаревшем,
Где-то признаки сепии, лица не видать,
Юнкера молодые, восемнадцатый вешний,
И как спелые вишни, их уже не сорвать.

Едкий дым от пожаров, коптил вдалеке,
Ну а мне папирос дым достался, и только,
Этих воспоминаний нет ни на чердаке,

Нет в подвале, они в сердце, укрытые болью.

Вот бы, после осени снова лето, или хотя бы весна

Вот бы, после осени снова лето, или хотя бы весна,
Чтоб растворилась грусть, что ворвалась листопадом,
И голые ветки деревьев покрыла молодая листва,
Встречать дожди теплые, и поздние, молодые закаты.

Я буду читать на могильных камнях эпитафии скорби,
Средь серых, вымокших под дождем, каменных плит,
До предела натянуты нервы и прерванный крик,
О тех кто ушел, чуть раньше чем мы, ветер скорбит.

Здесь листья шуршат под ногами, и словно призраками,
Кажутся люди, пришедшие как свидетели своих похорон,
Кивают, здороваются, приветствуют, сверля глазами,
И слышны их плачь и вздохи, и шепот со всех сторон.

Когда никого не было в доме

Когда никого не было в доме,
Ему нравилось громко петь,
Он не любил шум моря,
Ему было двадцать шесть.

В доме с видом на волны,
Прошла его жизни треть,
В грозу ему нравились молнии,
За их свет, не способный согреть.

Он тенью бродил по саду,
Что от времени начал стареть,
И лозы дикого винограда,
От жары начинали тускнеть.

В его дом заходили многие,
Смотрели на вид из окна,
А в саду том, стояло надгробие,
Что было здесь словно всегда.

Две строчки от времени стерты,
Что было их сложно прочесть,
«Он не любил шум моря,
Ему было двадцать шесть...»

На улице моей

На улице моей зима, и руки с холодом в карманах,
На побелевших тротуарах, прохожих не найти,
Я видел эту зиму из окна, о ней читал в романах,
И словно только что с вокзала, она меня решила
навестить.

На улице моей который день, избавившись от дел,
Среди безмолвной очереди, слова всегда случайны,
Свою отброшу тень, свою отброшу тень,
Свою отброшу тень, я как бы, на прощанье.

На улице моей стою, а время все бежит,
Как белые снежинки прочь летит, и не спрося совета,
Прими меня в свой дом, я в нем останусь жить,
Ведь не уходят в ночь, все ждут рассвета.

На улице не стало никого, блестят кругом дороги,
Лишь фонари в ночи – остались призраками света,
И смотришь в замерзшее окно, и мы все так же одиноки,
Ты расскажи, что значит быть, женой поэта.

О прошлом говорить – разрешено

О прошлом говорить – разрешено,
Легко и иронично,
Пить из бокала – многолетнее вино,
В кафе столичном.

Вдохнуть тот ветер с запахом зимы,
И позабыть на веки прежние обиды,
На том конверте, что прислали Вы,
Обратный адрес заучить, как строки из молитвы.

Плохое все из памяти сотрется без следа,
Как пыль смахнуть на полке со стихами,
Наполнит память мои мысли голоса,
Произнесенное и все не сказанное Вами...

Я в поэтах, по мимо прочего – ценю молодость

Я в поэтах, по мимо прочего – ценю молодость
Их взгляд на жизнь из под россыпи длинных волос,
Мне близка в их строках и грусть и холодность,
И желание писать о том, чего еще не сбылось.

Я ценю их открытость и дерзость, надменность,
Начиная писать он уже покори́л целый мир,
Веря в стихов своих непохожесть и может нетленность,
Голоса их звучат так ново и в глубь и в ширь.

Я порой, прощаю им многое и восхищаюсь,
Лишь они знают все про уклад этой жизни, всё верно,
Слушаю сгусток переживаний, трагедий, и улыбаюсь,
Лишь молодым поэтам позволено писать о любви,
наверное...

Из сотен книг, что в ряд стоят

Из сотен книг, что в ряд стоят,
Мне в руки ляжет та, что без названия,
На переплете буквами горят,
Инициалы Ваши, и фамилия.

В звенящей тишине, во мне,
Проносятся стихи и в них молитвами,
Вы говорите о своей любви к весне,
Задумчиво... и сбивчиво...
Как будто что-то молвите во сне,
И каждой фразой шепчите мне истину.

Из сотен книг, что в ряд стоят,
Мне в руки ляжет та, что не прочитана,
Ах если время повернуть назад,
И оказаться в том году, когда она была написана...

«Что может быть грустней»

Ночь. Горизонт. Что может быть грустней,
Вещей не собранных в дорогу,
И не присевших перед ней гостей,
Скрывающих тревогу?

Вот так уйти, не говоря «Прощайте»,
Не запирая за собой дверей,
Оставлю все как есть, а Вы оставьте,
Память наших прежних дней.

Свои стихи, дрожащими руками,
Сложу, и как хотелось бы забрать с собой,
Но не дано, я Вам оставлю, прочитайте,
Мою жизнь, строка за строкой.

Что может быть грустней,
Как недопитый чай,
И в комнате пустой игре теней,
Сегодня не с кем разделить печаль.

Вот так уйти, оставив споры,
И точки зрения, оставить все как есть!
Оставить не задвинутыми шторы,
И дневники раскрытыми, что б их прочесть.

Свою любовь, что к Родине Великой,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.